

ЕГО можно встретить в самых различных местах — горсовете, Академии наук, Музее революции. Он частый гость пионеров, студентов, рабочих, воинов. И везде, где бы он ни побывал, его принимают тепло, радушно. О нем говорят с гордостью. И не только у нас в республике. Героя Советского Союза генерал-лейтенанта запаса Саркиса Согомоновича Мартиросяна хорошо знают москвичи, украинцы. В столице братской Чехословакии его именем названы школа, рабочие бригады на заводах...

18 марта 1944 года. В этот день они расставались. Корпус, которым командовал генерал Мартиросян, получил приказ двигаться на освобождение Румынии от фашистских оккупантов. Чехословацкая бригада генерала Л. Свободы, которая сражалась в составе корпуса, через Карпаты должна была идти на Прагу. Трудно было расставаться. Позади остались тысячи километров, пройденных с боями. Крепко сдружились советские и чешские бойцы. Много душевных слов было сказано на митинге. А после митинга окружили чехи генерала Мартиросяна, благодарили за внимание, отцовскую заботу.

— Ждем вас после войны в Праге, — сказал на прощанье генерал Свобода.

После войны... Он знал: день победы не за горами. Скоро, очень скоро доберутся советские войска до логова врага. А пока впереди бои. Упорные, кровопролитные бои...

— До встречи в Праге! Прощайте, друзья!

Войска Второго Украинского фронта, в составе которых сражался и корпус под командованием генерала Мартиросяна, пошли на Румынию.

Яско-Кишиневская операция, где была разбита 200-тысячная армия. Освобождены от фашистской оккупа-

ции Румыния, Болгария, Польша, Сандомирский плацдарм. И вот наши войска ведут бои уже на территории фашистской Германии. 450 километров до Одера гнали врага, не давая отдыха. Здесь на западном берегу реки гитлеровцы ожесточенно защищались. Но час расплаты настал. Никогда не забыть день, когда в дымке утреннего тумана появились очертания Берлина. Никогда не забыть жарких уличных боев и красное знамя над рейхстагом. Потом Дрезден, весь в руинах. Древний Дрезден, который американская авиация сравнила с землей.

И здесь генерал Мартиросян узнал о восставшей Праге. Окруженная со всех сторон эсэсовскими полками, Прага сражалась. Прага просила о помощи

«На Прагу» — было написано на броне танков. «На Прагу» — отдал приказ своим солдатам генерал Мартиросян.

Советские солдаты спешили. Они знали, что силы восставших на исходе, что озверевый враг стремится расправиться с Прагой. Но враг просчитался. Советские войска стремительным броском достигли столицы Чехословакии, окружили и разбили врага.

10 мая 1945 года на улицах освобожденной Праги снова встретились братья по оружию — солдаты генерала Саркиса Мартиросяна и солдаты чехословацкой бригады генерала Людвиг Свободы.

Двадцать лет прошло с тех пор. Но Прага не забыла своих освободителей. Не раз приглашали пражане, бывшие бойцы и командиры Чехословацкой бригады, «своего» генерала в гости. И в прошлом году Саркис Согомонович побывал в Праге, встретился с боевыми друзьями, с бывшим командиром бригады Людвигом Свободой, министром обороны ЧССР генералом Богумиром Ломским и др. Радостная была встреча. Чехословацкие друзья показали своему бывшему командиру новостройки города, новые фабрики, заводы, рассказали об успехах республики в социалистическом строительстве.

Недавно Саркис Согомонович вернулся из Москвы, где он участвовал во всесоюзном совещании ветеранов войны. И снова окунулся в большую общественную работу. Нужно многое сделать, а времени немного: в мае предстоит поездка к друзьям в Чехословакию.

На днях генерал С. С. Мартиросян был нашим гостем в «Клубе интересных встреч».

А. САВАЕВ

Памяти Марселя Мартиросяна

Рассказ

ВО ДВОРЕ школы было необычно тихо. В безлюдном коридоре пахло мастикой. Он на минуту остановился перед зеркалом у раздевалки. Одернул китель. Такая уж у него осталась привычка. С семнадцати лет... С того дня, когда ему выдали красногвардейскую книжечку. Даже в самые тяжелые дни войны, в отступлении, под огнем, он старался быть подтянутым. Сейчас он мог бы позволить себе ослабить узел галстука или золотой генеральский ремень. Но не позволил. Он солдат. А для ребят это...

Пока он здоровался с учителями, в зале стоял шум. Потом постепенно все стихло.

— Сегодня у нас в гостях Герой Советского Союза, генерал-лейтенант...

Голос у директора школы был торжественный. «Как на параде», — подумал он и отвел глаза от трибуны. Он знал, какие слова последуют за этим: «полководец, которым гордится народ...», «...с боями прошедший путь до Берлина» и т. д. Лучше было бы спуститься в зал и сесть с пионерами.

Ряд за рядом оглядел зал. В первом ряду между двумя мальчишками сидел парень лет шестнадцати. Он внимательно слушал директора. Иногда строго поглядывал

на соседей, и те сразу же умолкали.

Небольшой, худенький, но в то же время плечистый и гибкий, он невольно вызывал к себе интерес, даже уважение. Генерал улыбнулся, подметив, как два мальчугана оперлись на локоть, подражая своему вожатому.

На парнишке была спортивная курточка. Но уже не новая, не модная. Генералу захотелось представить его в военной форме. Солдатская гимнастерка, наверное, сидела бы на нем так же ладно, как эта курточка. И тут парень поднял с пола рогатку, вывалившуюся из кармана одного из своих соседей. Выпрямившись, он встретился глазами с генералом и засмеялся. Очень искренне и очень застенчиво.

Генерал смотрел на него, не отрываясь. И вдруг остро заняло сердце. Парень в курточке был похож на его сына. Взгляд, манера держать руки, улыбка. Все было знакомо... Все...

И больше не было зала, красных галстуков, голоса директора. Была тишина осеннего леса. Штаб дивизии на пригорке. А внизу — белые, неестественно мирные украинские хаты. В них размещался разведбатальон. Там, в последней хате, спал со своими товарищами-разведчиками

ми его сын.

Но он-то знал, что ребятам поспать не придется. Разве что еще минут пятнадцать-двадцать. Потом разведчиков поднимут по тревоге. Только разведчиков — больше никого. Полки дивизии остались между клиньями прорвавшейся в тыл танковой дивизии «СС». Часть танков движется на штаб дивизии. Встретить их должны разведчики.

Ни одного противотанкового ружья. Ни одного орудия. Только гранаты и бутылки с зажигательной смесью. Вот все, что есть. Этого очень мало. Но надо остановить танки. Иначе они пойдут по тылам, отрежут дивизию и тогда... Он знал, что будет тогда...

Вот они. Танки появились из леса. На полном ходу они мчались к селу, и уже вспыхнула ярким пламенем белая хата, и тут же вторая хата превратилась в груды развалин. С наблюдательного пункта на пригорке ясно было видно, как первый танк развернулся и выплюнул из орудийного ствола сгусток пламени. Затем второй, третий. Четвертого выстрела не последовало. Танк вспыхнул.

Разведчики приняли бой.

Второй танк запылал у сельсовета. Третий резко затормозил с распоротой гусеницей у последней хаты. Из раскрытого люка выпрыгнули фашисты, но автоматная очередь мгновенно пришила их к земле. Он знал — это стреляет сын. Так стреляет только он. Скупое, короткое очередью. Да и автомат на весь батальон единственный.

Три танка пылали у развороченных хат. Остальные продолжали двигаться к штабу. Черные кресты на броне ныряли в дым и пламя и неслись к пригорку.

Прорвались... Все же про-

рвались. Слишком неравные были силы. Он знал, что эту черную, закованную в броню лавину невозможно остановить бутылками и гранатами. Да и бутылок было меньше, чем танков. Но остановить надо...

Адьютант шел рядом. Выставив вперед автоматы, они спускались навстречу танкам.

Но их опередили. Из развалин пылающих хат вышли наперерез танкам разведчики. Один, второй, третий. Под гусеницы полетели последние гранаты, бутылки с зажигательной жидкостью. Колонна остановилась, вспыхнуло несколько машин. Но фашисты открыли пулеметный огонь, и через минуту танки уже беспрепятственно мчались к последней хате.

И тогда навстречу им вышел сын. Отбросив в сторону не нужный теперь автомат, он шел на танк. Шел, прихрамывая. Восемнадцатилетний солдат... Его мальчик, который в детстве мечтал стать таким же, как отец.

Он держал в руке последнюю связку гранат. Но не метнул ее в танк. Он мог промахнуться. Подошел вплотную. Совсем близко. И когда до головной машины оставалось несколько шагов, метнул гранаты под гусеницы...

...Генерал поднялся и пошел к трибуне. Зал взорвался аплодисментами. Когда он произнес первое слово, наступила тишина.

Он не рассказывал о сыне. Он о нем ничего не сказал. Он говорил о солдатах, которые спасли мир от фашизма, о дорогах войны, которые никогда не забыть.

В первом ряду, между двумя мальчишками, сидел парень в курточке и, не отрываясь, смотрел на генерала.